

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Таша Карлюка пишет легко, как дышит. Это особый и счастливый дар для писателя — не утяжелять жизнь своими страданиями, тягостными предчувствиями и сложноподчиненными предложениями. То ли сказка, то ли быль, то ли проза, то ли не рифмованные стихи. Карлюка — первооткрыватель собственного жанра. Жанра лирических монологов, каждый из которых не длиннее одного вздоха. Их хочется заучивать наизусть или переписать каллиграфическим почерком, чтобы потом обрамить и повесить на стенку. Каждое утро взгляд будет наткаться на эти строки, а душа потихоньку оттаивать и добреть. Собранные вместе под одной обложкой, ее рассказы, эссе и повести дарят радостное ощущение начала. Так можно чувствовать и сочинять только в ранней юности. Говорю это не в упрек, а скорее с легким оттенком зависти и грусти. И, конечно, с восхищением».

*Сергей Николаевич,
главный редактор журнала «Сноб»*

Рассказы

СНАЧАЛА

Нам запретили собираться по сто. Нам запретили собираться по пятьдесят. Нам запретили собираться по десять. Нам запретили собираться вовсе. Нам приказали собраться:

— Соberись! Возьми себя в руки! Закройся в комнате. Не выходи. Войди в себя: исследуй, изучай, знакомься с собой заново, с конца, с середины. Знакомься с собой с того места, с той страницы, где ты в прошлый раз закрыл книгу, себя.

Нам сложно с людьми. Нам сложно без людей. Нам сложно, когда кто-то с нами. Нам сложно, когда мы без никого.

Он не написал, не позвонил. Она злилась и решила не писать, не звонить. Ему.

Написал другой.

Она выскочила из квартиры, прихватив с собой пачку сигарет, спички, джинсовую куртку. Прыгнула на велосипед.

Пустой город перед концом света. Планета устала от нас, она вытряхивает всех нас за борт, очищается, освобождается как после затяжной болезни, когда осталось совсем немного до выздоровления. Город был пустым, ночным, страшным. Сильный ветер дирижировал листьями, пакетами, мусором и единичными идиотами, которые, как и она, вырвались из своих комнат, просто чтобы не чувствовать себя зажатыми в клетке. Они бесцельно шагали по улицам.

Ей хотелось поскорее к нему. Еще двадцать минут назад она даже не думала о нем, она думала о другом. Но он написал, он ее хочет, и она тоже захотела его. Сильно.

Они говорили. Бокалы опустели, пепельница наполнилась. Он выкинул окурки в мусорное ведро, пепельница вновь стала пустой, а бокалы вновь стали полными.

— Я хочу тебя.

— Я не могу. Я думаю о другом. Я не могу. Это будет предательством.

Он услышал ее, но не послушал.

Его собака мирно спала в углу, свечи сгорали, постель мялась, а подушки с одеялом съезжали на пол.

Им даже удалось немного поспать. Минут десять. Она во сне положила свою ногу на его бедро, он положил свою руку ей на живот. Они проснулись, и все повторилось снова, и снова, и снова, и снова... Наконец-то они устали. Обессиленные, они наконец-то уснули.

Она проснулась в девять утра, он еще спал.

Она чувствовала себя виноватой и не чувствовала себя виноватой. Она проверила телефон — тот, кого она ждала, так и не написал.

Она надела ботинки, потом долго искала свой лифчик, не нашла сережку. Нужно уходить — она понимала, но не хотелось. Она закурила, смотрела на него, как он спит, смотрела все то время, пока курила. Уходить не хотелось. Она вымыла бокалы, выкинула окурки из пепельницы, почистила свою кофту от собачьей шерсти. Села на край кровати и нежно поцеловала его в щеку. Он взял ее руку, прижал к губам, открыл глаза. Был поцелуй. Долгий.

— Мне было хорошо.

— И мне.

Она выскочила из квартиры, не забыв пачку с одной сигаретой, спички, джинсовую куртку. Прыгнула на велосипед.

Пустой город перед концом света. Планета устала от нас, она вытряхивает всех нас за борт, очищается, освобождается как после затяжной болезни, когда осталось совсем немного до выздоровления. Город был пустым, утренним, страшным. Сильный ветер дирижировал листьями, пакетами, мусором и единичными идиотами, которые, как и она, вырвались из своих комнат, просто чтобы не чувствовать себя зажатыми в клетке. Они бесцельно шагали по улицам.

Ей было хорошо и плохо одновременно. Она снова проверила телефон — он так и не написал. Ей

захотелось кофе, но все кафе были закрыты. Навсегда. Она поехала к себе домой — там кофе был.

Она собралась. Взяла себя в руки. Закрылась в комнате. Книга, которую она вчера начала читать, лежала на полу. Должно быть, ветер... Она подняла ее, села в кресло. «Сначала», — сказала она себе и открыла книгу на первой странице.

ЖИЗНЬ ДАЛА ТРЕЩИНУ

Редко к докторам я обращаюсь. Но тут приспичило.

— Лягте, — сказал доктор мне.

Я легла.

— О, кажется, ваша жизнь дала трещину. Точно, — сказал доктор мне.

Я испугалась.

Доктор достал большую иглу и деревянный ящик с нитками разных цветов.

— Вам какого цвета?

— Бежевую.

Я закрыла глаза, остановила дыхание.

— Нувсе. Шов может немного болеть, но это пройдет. С каждым днем будет все легче, легче все. Может быть, шрам останется. А может быть, и не останется шрам.

Я посмотрела на шов. Доктор концы ниток завязал в бантик.

— Трещина — это еще ничего. Вы вовремя пришли. Еще бы день — и... — не успел закончить доктор.

Кто-то постучал в дверь. Кабинет наполнился еще одной человеческой головой.

— О, дорогой мой, с разбитым сердцем! Как ваш склеенный орган?

Третья голова тяжело вздохнула и, заикаясь, начала отвечать:

— Я... тут... встретил женщину...

— Снова!? — доктор выкрикнул.

— Да... Но она меня не любит... И кажется, мое сердце снова разбито...

— Я же предупреждал вас! Не влюбляйтесь какое-то время, пока ваше сердце не окрепнет. Ладно, входите, — и доктор достал клей.

— А вас я попрошу, — тут он вспомнил обо мне, — недельку ходить по мягкому, пить теплое и слушать спокойную музыку, пока шрам не заживет.

Я вышла из кабинета. Очередь к доктору в коридоре была длинной. Мне еще повезло, что он меня принял. Кажется, не все сегодня попадут к нему.

ТЫ МЕНЯ ЛЮБИШЬ?

Ты меня любишь? Потому что я тебя нет.

Так было не всегда. Это случилось только что. Я открыла глаза, повернулась на бок, увидела тебя и разлюбила. Ты не храпел, не царапал своими чуть сухими пятками, не пускал слюни на свою и мою подушку (в отличие от меня). Ты был хорош! Впрочем, как всегда. Был бы музейным экспонатом, назвали бы тебя «самый-самый»!

Ты читаешь это письмо, а я уже далеко. На ржавеющей «двадцать первой» «Волге» моего деда, на какой-то побитой дороге — потому что других у нас нет. Ты не грусти и не удивляйся — на другой стороне листа список девушек (ты всех их знаешь). Выбирай! Все они в тебя давно и тайно влюблены. Они мне сами признавались. Они готовы натирать твои теннисные туфли, варить полезные каши с низким гликемическим индексом и любить тебя так, как ты этого заслуживаешь. В конце концов ты станешь счастливым. Это неизбежная награда для хороших людей.

Ее остановил полицейский: она превысила скорость. Пришлось заплатить штраф. Все. Деньги

закончились. «Волга» остановилась: бензин закончился тоже. «Волга» остановилась около домика. Небольшого, скромного домика. Она постучала в дверь. Открыл угрюмый мужчина.

— Здравствуйте! Я сбежала от жениха. Мне негде жить. Возьмите меня к себе. Я буду помогать вам по хозяйству.

Он зашел в дом. Дверь оставил открытой. Она зашла вслед. Дверь захлопнулась. На долгих п лет.

Ты меня любишь? Потому что я тебя нет.

Так было не всегда. Это случилось только что. Мы ужинали. Я — аккуратно, вилок и ножом. Ты — как научили тебя мать и жизнь, макая хлебной коркой в юшку. Потом ты пил воду. Очень громко пил. После — шаркал по комнате в поисках карты мира и пустых пивных банок для стрельбы. Твой пес хорош, но он, как и ты, не благодарит меня за ужины, чистые уши и новый шерстяной коврик. Ты говоришь: «Слова — дерьмо, главное — поступки!»

Но что тебе стоило?.. Хотя бы одно слово. Хотя бы раз в неделю.

Ты хороший человек. В этом городе даже один из лучших. Всегда спасешь, всегда приютишь, всегда убьешь сильного, который обижает слабого. Ты хорош, но не словоточив. А я устала быть рыбой.

Ты читаешь это письмо, а я уже далеко. На скрипучем велосипеде с корзиной спереди, на какой-то побитой дороге — потому что других у нас нет. Ты

не грусти и не удивляйся — на другой стороне листа список женщин (ты всех их знаешь). Выбирай! Все они в тебя давно и тайно влюблены. Они мне сами признавались. Они готовы терпеть твои крошки на полу, ездить на рыбалку, насаживать червей и любить тебя так, как ты этого заслуживаешь. В конце концов ты станешь счастливым. Это неизбежная награда для хороших людей.

Ее остановило битое стекло на асфальте. Стекольный завод, будь он проклят! Пришлось оставить велосипед на дороге. С пробитыми колесами. Пешком. Километр. Два. Три. Семь. Сил хватило лишь на то, чтобы лечь. Под деревом с паутиной.

— Детка, просыпайся! Придатки простудишь. Садись в машину. Тебе куда?

Из его магнитолы звучали древние The Contours. Он очень сексуально курил и рассказывал мне о черных как о высшей расе. Сознание захлопнулось. На долгих *n* лет.

Ты меня любишь? Потому что я тебя нет.

Так было не всегда. Это случилось только что. Ты пришел домой. Снял ботинки. Поцеловал меня в лоб и пошел читать Льва Шестова. Ты читал вслух. Что-то записывал в свою толстую тетрадь. И вдруг... Это страшное «вдруг». Оно привыкло портить мне жизнь. На ровном месте. Из ниоткуда.

Ты читаешь это письмо, а я уже далеко. Ты не грусти и не удивляйся — на другой стороне листа список

старух (ты всех их знаешь). Выбирай! Все они в тебя давно и тайно влюблены. Они мне сами признавались. Они готовы. В отличие от меня. Готовы... В конце концов ты станешь счастливым. Это неизбежная награда для хороших людей.

Постой!

Долго думала. Может, я шлюха? Но нет. Я просто — любвеобильная. А еще я дура. Но этого уже не изменить. Наверное. И мне кажется... я тебя снова... люблю.

Постой!

Уже не кажется. Точно люблю.

Никуда не уходи! Я за хлебом! Скоро вернусь!

ПАПА

Мы не виделись больше года. В аэропорт я приехала на два часа раньше.

Глазами съедала каждого человека, который чем-то напоминал мне его.

Такая же обувь. Такая же рука. Такой же голос. Наконец-то.

К папе прижимаюсь я, и спустя секунды он:

— Ну хватит, хватит. Хорошего понемногу.

Делаю шаг назад. Совсем забыла, какой он. Мы никогда не обнимались с ним. Я улыбаюсь, не зная, куда спрятать глаза.

Такси.

И все дни, что он здесь. Все эти несколько дней папа:

— Ну хватит, хватит. Хорошего понемногу.

Мы сидим в гостиной, разговариваем. И папа...

Внутри меня что-то. Поднялось. Проснулось. Я готова сказать. Готова говорить спокойно, тихо, не хлопая дверью, не ругаясь, не выясняя. Открыться. Как никогда. Впервые.

Посмотрела на него. А ведь люблю его. Сильно. Он мой папа.

— Знаешь. Мы ведь не виделись год. И вот тогда, в аэропорту, я так хотела, чтобы ты меня обнял. Не шутил. Просто обнял. И чтобы мы так постояли немного. Как папа и дочь. А ты как всегда. Не собираюсь тебя перекраивать. Просто знай. Мне это болит. Мне нужны твои объятия. До какого-то возраста мне было достаточно твоих шуток и игр, но потом мне понадобился нежный папа. А у меня его так и не было.

Ком в горле, как камень. Заболел. Не могла промолвить ни слова больше. Вырвала из себя. Из последних сил:

— Я сейчас вернусь.

Ванная комната. Дверь на щеколду. Вода из крана. Слезы из глаз.

— Дыши. Успокойся, — сама себе.

Когда я вернулась. Посмотрела на папу. Я не могу объяснить. Он светился. Седые волосы стали еще белее. Голубые глаза — еще голубее. Он светился. Встал, подошел. Обнял.

— Тебе хорошо?

— Да, папа.

Стояли минуту молча.

— Пока ты не улети, делай так, пожалуйста, каждый раз, когда мы встречаемся и когда расстаемся.

И он делал.

У моря потом папа спросил, когда волны перебивали его тихо:

— Почему вы с мамой не научили меня раньше? Я ведь этого не умел. В моей семье никто никого не обнимал.

Была рада, что волны стали сильнее и перебили меня громко.

Ком в горле, как камень. Заболел. Слова застряли внутри меня.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
РАССКАЗЫ	
Сначала	7
Жизнь дала трещину	11
Ты меня любишь?	13
Папа	17
Мысль застряла в голове.....	20
Муж и жена понарошку	22
Автобус № 72	27
Моя черная кожа	35
Прикосновение	39
Курица на завтрак, курица на ужин, курица на обед	42
Голая.....	53
50 Years and glowing Stronger 1932–1982.....	55
БЫТЬ ФРОСЕЙ ШНЕЕРСОН. ПОВЕСТЬ	57

Таша Карлюка родилась в Киве, живет в Тель-Авиве, а пишет о мире без границ. По сценариям Ташы снимаются фильмы («Феликс и его любовь», «BERENSSTEIN»), ее проза переводится на английский, иврит и попадает в обзоры известных литературных критиков, исполняется в концертах. Таша Карлюка обладает талантом ироничного и доброго рассказчика, объединяющего поколения, находящего смысл в абсурде и логике — в парадоксе.

25
ЛЕТ ИЗДАТЕЛЬСКОМУ ДОМУ
ГОРОДЕЦЫ

ISBN: 978-5-907358-38-6

www.gorodets.ru

«Перед вами оголенная проза. Она потрескивает, как костер, и сыплет искрами. Эти рассказы решают главную задачу искусства — они рождают в читателе ответные чувства, с которыми они были созданы.»

Александр Иличевский
(писатель, лауреат премии
«Большая книга» 2020 г.)

«Таша Карлюка — повествователь тонкий, пронзительный и честный, у нее свой, неповторимый голос. Равнодушными не останетесь.»

Сева Новгородцев
(радиоведущий Русской службы
Би-би-си)

«Так можно чувствовать и сочинять только в ранней юности. Говорю это не в упрек, а скорее с легким оттенком зависти и грусти. И, конечно, с восхищением.»

Сергей Николаевич
(главный редактор журнала
«Сноб»)

